Давид Самойлов

Мальчик строил лодку.
И построил лодку.
И поплыл по речке
В тихую погодку...

Мальчика звали Давид. Давид Кауфман. Он жил на шестом этаже большого московского дома. Дом был кораблём, плывущим в океане древесных крон. Шум листвы гулом дальних странствий наполнял квартиру. Ночью мальчик воображал, как дом-корабль плывёт над Москвой в сторону Сухаревской башни. Сухаревская башня была видна из окна комнаты, где жил мальчик, она была для него как маяк. А окно кухни было его кино. Там происходили события. Шаркала метла дворника, был слышен стук копыт – извозчик проехал. Неудивительно, что первое слово мальчика – Эээдет! (едет)

Другое слово, рано вошедшее в сознание – Пушкин. Правда, не поэт, а козёл – в саду заброшенного соседнего дома пасли коз.

Начало двадцатых годов. НЭП. Отец мальчика – врач. Благодарные пациенты несут дары – снедь, роскошную нэпманскую еду: пирожные, икру, колбасы… Еда вызывала в мальчике отвращение.

Пожалуй, это единственное, что маленький Давид терпеть не мог. Всё и всех вокруг он любил, потому что любили его. Квартира, дом были для него убежищем.

Он был очень наблюдательным мальчиком. Квартира была полна людей, была полна вещей, которые оживали и становились такими же членами семьи, как и многочисленные родственники.

Вот дед, восьмидесятилетний полиглот, чуть ли не до конца жизни преподававший языки. Вот он совершает утреннюю молитву, пьёт чай с молоком, читает через лупу грамматический справочник. Вот тётка, хлопочущая по хозяйству. Вот дядька-нэпман. У него в подвале дома предприятие. Он варит гуталин. С дядькой связано одно из первых поэтических впечатлений. НЭП – расцвет рекламы. Во всех газетах и журналах Давид видит худого бегущего человека, вылитый дядька! Рекламировали средство для уничтожения одним махом мозолей, крыс и мышей. Мальчик вдруг уловил ритм:

МозолЕй,

Крыс, мышЕй.

Причем мозолеем он представлял своего худого, вечно куда-то бегущего дядьку. Что такое мозолей? Имя? А может быть звание, вроде короля. Король крыс и мышей – мозолЕй крыс и мышей.

Летом Давида отвозили на дачу. Это была необыкновенная дача. Снимали комнаты в настоящем большом крестьянском доме, и не в дачном посёлке, а в настоящей большой деревне. Дачу Давид тоже полюбил. Лес, речонка, ночное… Его отпускали пасти хозяйскую лошадь Зорьку.

Вот как сам Давид Самойлов пишет об этом: «Я целый день ожидал встречи с Зорькой, для нее припасая краюшку хлеба с солью или кусок сахару.

Ничего нет лучше, чем мягкие конские губы, осторожно берущие с ладони хлеб или сахар! Зорька глядела на меня кроткими карими глазами с лиловатым отливом, с прямыми простодушными ресницами. И иногда, пошаливая, дотрагивалась губами до моей шеи, щекотно дыша в затылок».

Здесь же, на даче, к шестилетнему Давиду пришли первые стихи. Утро было летнее, солнечное, радостное, а стихи - печальные. Про осень.

Осенью листья желтеть начинают,
С шумом на землю ложатся они.
Ветер их снова наверх поднимает
И кружит, как вьюгу, в ненастные дни.

Сам Давид Самойлов объясняет это так: «Стихи были непохожи на то, что меня окружало. Они выразили, видимо, мгновенно пронзившее меня чувство непрочности счастья, преходящести того солнечного радостного мира, который тогда меня окружал».

Возможность выразить кратко и складно то, что он ощущал, мальчику понравилась. Захотелось сочинять ещё. Кстати, существовала семейная легенда о том, что, будучи младенцем, Давид сидел на коленях у знаменитого Валерия Брюсова и испачкал поэту брюки. Как после такого не стать поэтом!

Родители Давида, само собой, пришли в восторг. Вундеркинд. И вот тут Давиду повезло. Его стихи показали хорошему русскому писателю Василию Яну, исторические романы которого читают до

сих пор. Ян пыл родителей охладил. Все дети пишут стихи. Это или пройдёт, или станет судьбой. Но до этого надо дорасти.

Когда Давид подрос, стал школьником, Дезькой Кауфманом. Редкий случай. Давид Самойлов вспоминает школу очень тепло. В школе тогда в большой чести были различные эксперименты. В том числе и профориентационные. В пятом классе Давиду сказали, что он – химик. Мальчик поверил, купил колбы и пробирки и два года смешивал, нагревал и взрывал разные разноцветные вещества. Стихи же писал между делом. Как композитор Бородин, тоже известный химик.

Но призвание брало своё. Сочинив поэму про Василия Чапаева, Давид принёс свои стихи в «Пионерскую правду». Стихи, по словам Самойлова, «расчехвостил» некий консультант. Странное дело. Давид пережил провал очень легко и сделал удивительный для юного поэта вывод: «Надо **работать**». Так началась работа над словом, над смыслом, над мыслью, над собственной душой. В это время (восьмой класс) Давид вёл дневник. «Нужно быть честным и добрым… Я хочу быть честным и добрым…» – это, пожалуй, главный нравственный мотив дневника восьмого класса.

Стихи стали судьбой. Давид Кауфман поступит в ИФЛИ, знаменитый литературный институт, потом в его жизнь вошла, война, ранения, потом – поэтический труд до самого конца. Он возьмёт псевдоним Давид Самойлов и под этим именем прославится. Его визитная карточка – «Сороковые - роковые…».

А для меня самым очень важным стало вот это его стихотворение:

Деревья должны
Дорасти до особой высоты,
Чтобы стать лесом.
Мысли должны
Дорасти до особой высоты,
Чтобы стать Словом.
Больше ничего не надо,
Даже ухищрений стиха.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь